

Линь Цинфэн, желая выгородить мать, обратился к Фан Фан:

— Кузина, я через пару дней собираюсь устроиться в ресторан посудомойщиком, чтобы подзаработать на карманные расходы. Пойдешь со мной?

Фан Фан еще не успела открыть рот, как в разговор вмешалась бабушка Фан:

— Посуду мыть? Да ты знаешь, как это тяжело? Тарелки в ресторанах огромные и тяжелые, да еще с горячей едой — руки обжечься можно. Даже крепкие деревенские женщины на такой работе спины гнут, а ты как смеешь предлагать такое Фан Фан? Что у тебя на уме?

Едва бабушка закончила, Фан Фан покорно опустила голову и, не говоря ни слова, принялась ковыряться в своих костях.

Линь Цинфэн, напротив, не разозлился, а усмехнулся:

— Бабушка, я же не один ее туда зову, я сам буду работать. Получается, если я и хочу подставить Фан Фан, то заодно подставляю и самого себя?

Бабушка Фан пробормотала:

— Ты на экзаменах баллов набрал — кот заплакал. Кто знает, может, у тебя ума не хватает отличить хорошее от плохого?

Опять она за свое, за эти баллы. Линь Цинфэн с грохотом бросил палочки на стол, выпрямился, собираясь устроить бабушке грандиозный скандал, но тут раздался еще один резкий звук: Фан Фан швырнула свою миску и разрыдалась:

— Во всем виновата я! Родили — не воспитали, каждый день хожу по чужим людям, милостыню прошу, живу как попрошайка. Мне вообще не надо было в школу идти, лучше бы сразу в приют сдалась или в воду прыгнула, пока темно. За что мне такая доля горькая? Другие в университеты поступают, им родители то компьютеры покупают, то телефоны меняют, не то что я — из-за каких-то нескольких тысяч на учебу здесь на смерть иду.

Мать Линь Цинфэна всегда жалела племянницу. Видя, как горько та плачет, она поспешно пообещала сделать все возможное, чтобы собрать деньги на первый год обучения. На этом Фан Фан одержала сокрушительную победу. Глядя, как кузина, всхлипывая и вытирая покрасневшие глаза, благодарит мать, Цинфэн не знал, кого жалеть больше — ее или себя, поэтому просто махнул рукой и вышел на порог, не проронив ни слова.

Бабушка Фан повеселела и тут же принялась выпрашивать, сколько именно денег мать собирается выделить. Мол, обучение, проживание, дорога — на все про все тысяч тридцать точно уйдет. Мать Линь Цинфэна не знала, как ответить, бросила взгляд на рассерженного сына у порога и, сохранив остатки разума, ответила:

— Мама, у меня правда нет денег. На сберкнижке вряд ли хватит даже на учебу самого Цинфэна.

Улыбка, только что расцветшая на лице бабушки, мгновенно увяла:

— Ты же только что при нас с Фан Фан сказала, что берешь оплату на себя! Нельзя же так, слово дала — держи!

Мать посмотрела на свою мать, потом на всхлипывающую племянницу и, набравшись храбрости, выдавила:

— Я не отказываюсь. Но у меня просто нет такой суммы. Разве что продать две золотые цепочки, которые я раньше купила, да три золотых кольца. Если все посчитать, выйдет от силы десять тысяч. Больше у меня просто нет!

Услышав это, бабушка Фан немного смягчилась, но все еще упрячилась:

— Я же тебе говорила — не покупай всякую ерунду. Мало того что дорого, так еще и в ломбарде при перепродаже сколько потеряешь. Были бы деньги — надо в банк класть. Боишься, что сама потратишь — отдай мне, я тебе сохраню, еще и приумножу! Хватило бы не только на учебу, но и на компьютер!

Мать Линь Цинфэна чувствовала невыразимую горечь, но была вынуждена натянуть улыбку:

— Если совсем прижмет, одолжу у сестры Хань. Если мы с ней скинемся, должно хватить.

Бабушка Фан замахала руками:

— Нет-нет, нельзя! Твоей сестре одной в другом городе ох как нелегко, не смей беспокоить ее такими пустяками.

Это было в новинку. Бабушка Фан всегда пеклась только о сыне, с чего бы ей думать о дочерях? После настойчивых расспросов матери Линь Цинфэна старуха наконец пробормотала:

— Это все твой отец. Задумал покупать лесной участок, денег не было — пришлось просить у Хань. Она не хотела давать, так он угрожал покончить с собой, вынудил ее продать машину и собрать для него триста шестьдесят тысяч. Когда переводили деньги, договорились, что это на нашу старость, раз и навсегда. Больше просить у нее нельзя. Кто же знал, что его самого обманут! Я уж не знаю, что и делать! — Бабушка говорила, и голос ее дрожал от слез. — Сестренка Хуа, скажи, за что мне такая жизнь? В детстве голодала, в зрелости пахала, а на старости лет — долги и некому стакан воды подать. Мои старые кости — дело десятое, я боюсь за Фан Фан. Она же единственная надежда нашей семьи Фан! Фан Чжэ столько лет живет с новым мужем матери, называет чужого человека отцом, кто знает, сменил ли он фамилию. Неужели ты допустишь, чтобы наш род прервался?

Мать Линь Цинфэна, глядя на седину матери, тоже расстроилась и тихо заговорила, пытаясь ее утешить:

— Я что-нибудь придумаю. В крайнем случае, посмотрю, можно ли расторгнуть договор страхования жизни. В любом случае, деньги на первый год обучения для Фан Фан мы соберем.

Получив обещание, бабушка Фан тут же выловила из тарелки Фан Фан кусок ребрышка и положила в миску дочери, гостеприимно приглашая ее поест. Но какой там обед — мать Линь Цинфэна встала и начала убирать со стола. Бабушка поспешила в угол, достала веник и, присев на корточки, принялась аккуратно собирать в мусорное ведро рис, который только что рассыпала Фан Фан, боясь, что сын, бережливый до фанатизма, вернется домой и придет в ярость, увидев еду на полу. А сама Фан Фан, сытая и довольная тем, что главная проблема решена, радостно ускакала вверх. Вскоре из коридора донеслись томные звуки песни о ветре и песке.

Линь Цинфэн стоял у входа, холодно наблюдая за всем происходящим. Он чувствовал себя чужим в этом доме, человеком со стороны, который больше не желает иметь ничего общего ни с этими людьми, ни с их делами.

<http://bllate.org/book/21753/2249214>